

Е. Бобров

**Этические воззрения графа
Л. Н. Толстого
и философская их критика**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Е11

Е11 **Е. Бобров**
Этические воззрения графа Л. Н. Толстого: и философская их критика / Е.
Бобров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 100 с.

ISBN 978-5-518-02813-5

ISBN 978-5-518-02813-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Религіозно-філософскимъ и этическимъ сочиненіямъ графа Л. Н. Толстого суждено было сдѣлаться своего рода событіемъ въ литературѣ послѣдней четверти нашего вѣка. И въ Россіи, и за границей, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ эти сочиненія влекли къ себѣ громадную массу читателей; они пріобрѣли и множество поклонниковъ, и множество противниковъ. О графѣ Толстомъ, какъ философѣ и моралистѣ, успѣла вырости цѣлая литература и на отечественномъ, и на иностранныхъ языкахъ. Разбирали и критиковали доктрины Толстого съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и лица самыхъ разнообразныхъ занятій и профессій. Всего желательнѣе, конечно, была бы критика специалистовъ, лицъ, посвятившихъ себя занятіямъ философіею и ея разными прикладными отраслями, какова этика; но именно специалисты-философы и оказались всего менѣе отзывчивыми на ученіе гр. Толстого. Среди философскихъ сочиненій, посвященныхъ разбору доктринъ гр. Толстого, особенно важное мѣсто занимаетъ книга почтеннаго русскаго мыслителя, профессора А. А. Кошлова: „Религія гр. Л. Н. Толстого“ изд. II. 1895 г. Это сочиненіе написано чрезвычайно объективно. Съ истинно философскимъ спокойствіемъ и рѣдкимъ у насъ и въ наше время безпристрастіемъ А. А. Кошловъ разбираетъ доктрины гр. Толстого, и признавая ихъ несостоятельными, старается совершенно справедливо отнестись къ своему противнику. Такъ какъ

мы держимся тѣхъ же основныхъ философскихъ воззрѣній и въ частности вполне раздѣляемъ взгляды А. А. Козлова на философствованіе графа Толстого, а ниже будемъ имѣть случай пользоваться ими, какъ критеріями, то мы позволяемъ себѣ сейчасъ же привести основные результаты критики А. А. Козлова и вкратцѣ изложимъ сдѣланную послѣднимъ общую характеристику философіи графа Толстого.

I.

Критическая характеристика А. А. Козлова.

А. А. Козловъ находитъ, что система, которую графъ Толстой называетъ свою религіей, не есть религія, ибо въ ней недостаетъ нѣкоторыхъ элементовъ, входящихъ въ религію, а нѣкоторые входящіе элементы являются не въ надлежащей формѣ. Недостаетъ условія для религіозной вѣры, именно метафизическаго ученія объ основѣ и причинѣ вещей, а также условій для развитія религіозныхъ чувствъ. Не въ надлежащей формѣ и на слабомъ основаніи поставлены условія для удовлетворенія эгоистическихъ влеченій. Съ одной стороны, повидимому, идеаль этой религіи воплоти эвдемонистическій — счастье, и притомъ, земное, знакомое, а съ другой, — заповѣди имѣютъ такой характеръ, что не допускаютъ въ настоящей жизни удовлетворенія самыхъ естественныхъ влеченій къ самосохраненію; отрицая всѣ формы настоящаго общежитія, онѣ дѣлаютъ въ то же время обѣтованное, будущее земное счастье непредставимымъ и крайне сомнительнымъ.

Какъ система нравственныхъ заповѣдей, ученіе графа Л. Н. Толстого вполне несостоятельно, ибо не даетъ никакихъ логическихъ основаній для обязательности ихъ выполненія. Сопоставленіе идеала земнаго счастья съ буддійскою моралью представляетъ чрезвычайно оригинальное по странности умственное явленіе, свидѣтельствующее о высокой степени произвола, до котораго можетъ дойти подѣ

вліяніємъ субъективныхъ мотивовъ сильный умъ, не привыкшій къ дисциплинѣ методическаго и систематическаго, философскаго мышленія. По своему существу эта доктрина всего скорѣе составляетъ одну изъ разновидностей социальныхъ утопическихъ теорій, совершенно безвредную по ея мирному характеру; никакого реально-историческаго значенія она имѣть не можетъ, ибо ея серьезное приложеніе въ жизни со стороны экстравагантныхъ мечтателей (да и то на время) повело бы лишь къ усиленію произвола и неправды въ общественныхъ отношеніяхъ. Большинство ея послѣдователей, въ силу естественнаго эгоизма и логики, стали бы въ противорѣчіе съ духомъ системы и, отбросивъ, какъ ненужный балластъ, всю буддѣйскую мораль, вступили бы на путь активнаго сопротивленія злу.

Переходя къ спеціальной характеристикѣ философско-этической стороны доктрины гр. Толстого, А. А. Козловъ замѣчаетъ, что она не имѣетъ никакихъ признаковъ систематическаго философскаго ученія, что однако не мѣшаетъ ей заключать въ себѣ отрывочные, другъ съ другомъ не связанные и противорѣчивые элементы изъ разныхъ философскихъ доктринъ, какъ-то: рациональнаго деизма, антропологизма, позитивизма, эволюціонизма и т. д. Вслѣдствіе неопредѣленности и произвола въ построеніи ученія нельзя съ точностью подвести ея направленіе и методы подъ какиенибудь установившіеся въ исторіи философіи типы; это можно сдѣлать развѣ только приблизительно.

Гносеологія. По всѣмъ сторонамъ философіи гр. Толстого ярко проходитъ принципъ *дуализма*. Особенно приложимо это названіе къ его *теоріи познанія*. Хотя понятіе познанія у гр. Толстого и не выработано, но онъ несомнѣнно различаетъ два рода его, соотвѣтственно двумъ источникамъ познанія. Одинъ источникъ — внутренний, или наше непосредственное сознаніе, другою — внѣшній. Но опредѣлить отношеніе этихъ родовъ познанія другъ къ другу и объяснить ихъ возможность изъ природы по-

знающаго субъекта и познаваемаго объекта гр. Толстой и не попытался: онъ характеризуетъ лишь ихъ важность и значеніе для потребностей человѣка. Внутреннее, или рачіональное познаніе несравненно важнѣе внѣшняго по точности и достовѣрности касательно природы и судьбы человѣка. Въ разрѣзъ съ этимъ графъ Толстой считаетъ достовѣрнымъ положеніе о реальности и субстанціальности вещества и о его подчиненіи закону разума. Итакъ, втихомолку допущены равныя права за обоими познаніями, т. е. въ теоріи познанія оказывается дуализмъ. Несмотря на первоначальное увѣреніе о преимущественной истинности внутренняго познанія, чтó звучитъ въ духѣ критической философіи, гр. Толстой, видя въ матеріи не явленіе сознанія, а реальное бытіе, впадаетъ въ *докритическій догматизмъ*. Признаніе реальности матеріи влечетъ за собою и признаніе реальности пространства и времени, которымъ подлежитъ весь матеріальный міръ и тѣлесная жизнь человѣка. Дуализмъ гносеологическій отражается въ его ученіи о двоякой жизни: истинной, или разумной — внѣ пространства и времени, и ложной, или матеріальной, протекающей въ этихъ формахъ.

Метафизику гр. Толстого можно подвести *Метафизика* подъ рубрику *идеализма* или *интеллектуализма*, гипостазирующаго общности и игнорирующаго индивидуальное, которое у Толстого не есть нѣчто неизмѣнное, а существуетъ лишь временно и уничтожается со смертію. Всѣ реальныя начала гр. Толстого можно свести къ двумъ; веществу и разуму, такъ что всѣ существа оказываются только соединеніемъ вещества и разума; промежуточный (живой) міръ между веществомъ и разумомъ какбы не представляетъ субстанціи въ строгомъ смыслѣ слова, ибо онъ, какъ ни продолжительно его возобновленіе въ породѣ, всетаки не вѣченъ и подлежитъ возможности уничтоженія. Жизнь растеній и животныхъ есть движеніе вещества по его механическимъ законамъ, подчиненное цѣлямъ правительствующаго разума.

Этика. По своей *этике* система гр. Толстого должна получить название *аскетического* и *квиемического эдемонисма* или *гедонисма*, такъ какъ основнѣйшій принципъ ея — наслажденіе, счастье. Аскетизмъ, какъ показываетъ исторія философіи, не противорѣчитъ признанію счастья цѣлью жизни и можетъ быть сочтенъ за средство къ тому. Ложное понятіе матеріи приводитъ къ неправильному воззрѣнію на происхожденіе и сущность зла. Матерія, какъ самостоятельное начало, дѣйствующее безъ цѣлей, въ дуализмѣ является источникомъ всякаго зла и заражаетъ весь психическій міръ человѣка, насколько онъ доступенъ ея вліянію; отсюда — отрицательное отношеніе дуалистической этики къ чувственности, а поскольку она, какъ элементъ сознанія, связана съ прочими элементами, — и къ цѣлому составу нашего сознанія и жизни. Вотъ почему Толстой засушиваетъ почти всю область науки, искусства, техники, промышленности, культуры вообще, и всѣ сферы государственной и общественной жизни. Идеалы Толстого ведутъ къ представленіямъ о жизни первобытныхъ дикарей (вродѣ теоріи Руссо). Такая этика иллюзорна, ибо разъ матерія вѣчна и всегда будетъ входить въ человѣка въ видѣ животной личности, — всегда будутъ налицо и ея злые плоды. Значитъ, нѣтъ надежды, чтобы міръ сталъ инымъ. Нѣтъ и „плюса“ или увеличенія любви, — не имѣется реальныхъ элементовъ, въ коихъ онъ могъ бы сохраняться: вѣдь личность, по Толстому, при смерти человѣческаго индивида уничтожается безъ остатка со всѣмъ рядомъ временныхъ сознаній, составляющихъ будто бы его „я“, а составные элементы человѣка — разумъ и вещество — вѣчно тождественны и неизмѣнны. Пресловутое увеличеніе любви есть мнѣ, вызванный у графа Толстого жаждою наслажденій „здѣсь“ и „теперь“. Историческій прогрессъ, состоящій, впрочемъ, не въ увеличеніи любви, а въ постоянномъ смягченіи формъ общественной жизни, не свидѣтельствуетъ въ пользу Толстого, ибо прогрессъ,

проистекая преимущественно отъ развитія и распространенія культуры, совершенно необъяснимъ съ точки зрѣнія гр. Толстого, и приводитъ совсѣмъ къ иному мировоззрѣнiю, а именно къ метафизическому *критическому индивидуализму*.

Итакъ, никакого объективнаго, ни научно-теоретическаго, ни жизненно-практическаго значенія система графа Толстого не имѣеть: она есть сплошь созданіе его субъективно-индивидуальныхъ потребностей и способностей и общихъ влiяній на него эпохи и общественныхъ слоевъ, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ.

Таково строгое, хотя и справедливое сужденіе А. А. Козлова. Послѣдній въ своемъ разборѣ ученія гр. Толстого опирался главнымъ образомъ на два большихъ его сочиненія „О религіи“ и „О жизни“. Между тѣмъ въ 1894 году Л. Н. Толстой напечаталъ еще небольшое сочиненіе, часть котораго вышла и на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ — „Противорѣчiя эмпирической нравственности“ — (вышло и въ 2-хъ нѣмецкихъ переводахъ подъ заглавіемъ: 1) *Widersprüche der empirischen Moral*. Berlin, bei Hugo Steinitz и 2) *Religion und Moral*. Berlin, bei Dümmler) въ журналѣ „Сѣверный Вѣстникъ“ (янв.); по поводу предложенныхъ въ циркулярѣ редакціи журнала *Ethische Cultur* (гдѣ предварительно и появилась статья) вопросовъ: 1) что онъ понимаетъ подъ словомъ: „религія“? и 2) „считаетъ ли онъ возможною нравственность, независимую отъ религіи, какъ онъ послѣднюю понимаетъ?“ Левъ Николаевичъ попытался въ этомъ трактатѣ дать опредѣленія обоимъ указаннымъ понятiямъ, религіи и нравственности, равно и обосновку нравственности религіею. Попытки эти крайне интересны; здѣсь гр. Толстой, окончательно резюмируя свои этические воззрѣнiя, излагаетъ ихъ безъ обыкновенной расплывчивости, по возможности кратко, сжато и непривычно для

него точно и философски-опредѣленно. По формѣ названный трактатъ несомнѣнно наиболѣе изящный и строгій изъ всѣхъ философскихъ произведеній гр. Толстого. Мнѣ показалось нелишнимъ подвергнуть критическому разбору этотъ трактатъ, не разсмотрѣнный въ сочиненіи почтеннаго моего единомышленника и сдѣлать къ его прекрасной книгѣ нѣкотораго рода дополненіе, оставляя за собою то же самое общее философское основаніе и придерживаясь тѣхъ же руководящихъ взглядовъ. Страницы приводятся по авторизованному нѣмецкому переводу Софьи (Behr) Бэръ (*Religion und Moral*), отписку изъ журнала „*Ethische Kultur*“; тексты, гдѣ возможно, дословно цитируются по тѣмъ частямъ русскаго подлинника, которыя появились въ сильно урѣзанномъ видѣ въ январской книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1895 годъ. Методъ критики избрааъ мною, такъ сказать, *имманентный*, т. е. — подобно тому, какъ и самъ Л. Н. Толстой разыскиваетъ „противорѣчія эмпирической нравственности“, я стараюсь вскрыть основныя философскія противорѣчія, кроющіяся въ излагаемыхъ воззрѣніяхъ гр. Толстого и показать тѣ неправильности, кои изъ нихъ логически-последовательно вытекаютъ. Такъ какъ статья гр. Толстого, бытъ можетъ, не у всѣхъ свѣжа въ памяти, и притомъ русскимъ читателямъ извѣстна не вполне, то я позволяю себѣ предпослать разбору подробное изложеніе содержанія и нѣсколько наиболѣе характерныхъ выдержекъ изъ нея. Кромѣ того, такъ какъ, по моему мнѣнію, при всякой критикѣ необходимо, чтобы читатель ясно представлялъ себѣ отправную точку и общее міросозерцаніе самого критика, то данъ мною и легкій preliminary очеркъ того философскаго направленія („*критическій индивидуализмъ*“), представителемъ котораго я являюсь. Наконецъ, „приложеніе“ представляетъ скромную и предварительную попытку установить нѣсколько типовъ этическаго міропониманія и мірооцѣнки.

II.

Изложение сочинения графа Л. Н. Толстого.

Слову „религія“, говоритъ графъ Толстой, Три различныхъ значенія слова „религія“
придаются обыкновенно три разныхъ значенія.

Первое пониманіе рассматриваетъ религію, какъ одно опредѣ-
ленное истинное откровеніе, данное Богомъ людямъ, и какъ
богопочтаніе, изъ этого откровенія проистекающее. Второе
значеніе — то, будто религія есть собраніе суевѣрныхъ поло-
женій и соотвѣтственное богопочтаніе. Третье — то, что
религія есть кодексъ положеній и законовъ, придуманныхъ
умными людьми и необходимыхъ либо какъ утѣшеніе, либо
какъ узда на страсти народныхъ массъ, либо, наконецъ,
какъ средство управлять этими массами. Сообразно оза-
ченнымъ тремъ пониманіямъ, религія, по мнѣнію однихъ,
заслуживаетъ всяческаго распространенія, по другимъ —
всяческаго искорененія, по третьимъ — религія нужна только
для грубаго народа и бесполезна для образованныхъ. Но
во всѣхъ трехъ опредѣленіяхъ указывается не самая сущ-
ность религіи, а только вѣра людей въ то, что *они счи-
таютъ* религіею (стр. 7). Но что такое вѣра, откуда она
возникаетъ, и почему люди вѣрятъ въ то, во что они
вѣрятъ?

Большинство людей современной культурной толпы полагаетъ, что сущность всякой религіи
состоитъ въ олицетвореніи и обоготвореніи непонятныхъ
явленій природы, нагонявшихъ страхъ. Если ранѣе никто
Присхожде-
віе религіи.

изъ передовыхъ людей (отвергавшихъ одно какое-либо исповѣданіе: протестанство или католичество) не рѣшался отказывать религіи въ томъ, что она есть необходимѣе условіе жизни всякаго человѣка, то въ наше время толпа, всегда охотно и быстро принимающая самыя низменныя представленія, увлекшись легкомысленнымъ и поверхностнымъ ученіемъ Огюста Кюпта, рѣшила, что религія есть только извѣстная, давно уже пережитая фаза развитія человѣчества; послѣднее уже продѣлало два періода, религіозный и метафизическій, а теперь вступило въ третій высшій — научный.

Помимо того, что признаніе невидимыхъ сверхестественныхъ существъ происходило не всегда отъ страха, это утвержденіе ничего не отвѣчаетъ на главный вопросъ: откуда взялось въ людяхъ самое представленіе о невидимыхъ существахъ? Кроме того, всякій человѣкъ, когда-либо испытавшій религіозное чувство, по своему личному опыту знаетъ, что чувство это всегда вызывается не внѣшними явленіями, а внутреннимъ сознаніемъ своего ничтожества, одиночества и грѣховности (стр. 10). Религія есть нѣчто совершенно независящее ни отъ страха, ни отъ степени образованія человѣка; она не можетъ уничтожиться никакимъ развитіемъ просвѣщенія. Всякій человѣкъ, проснувшись къ разумному сознанію, не можетъ не замѣтить того, что все вокругъ него живетъ, возобновляясь, не умирая (?!), а одинъ (!) онъ только, сознавая себя отдѣльнымъ (?) отъ міра существомъ, приговоренъ къ смерти, къ исчезновенію въ безконечномъ пространствѣ и безконечномъ времени, къ мучительному сознанію отвѣтственности, т. е. что онъ могъ бы поступать лучше (стр. 11). Понявъ это, всякій разумный человѣкъ не можетъ не спросить себя: для чего это его мгновенное, неопредѣленное и колеблющееся состояніе среди этого вѣчнаго, твердо опредѣленнаго міра?

Сущность религіи.

Сущность всякой религіи и состоитъ въ отвѣтѣ на вопросъ: зачѣмъ я живу, и какое